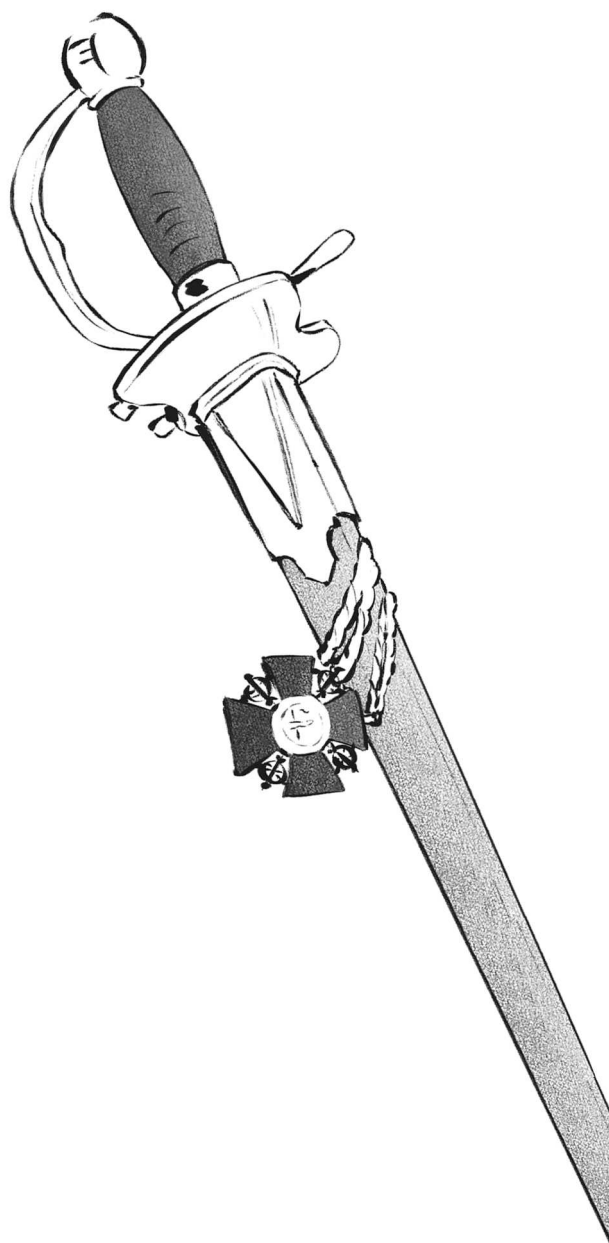

ЭЛИОТ ЛИЛИТ

БЕС ЛЕСТИ ПРЕДАН

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

ЭЛИОТ ЛИЛИТ

БЕС ЛЕСТИ ПРЕДАН

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л57

Иллюстрация на переплете *VOXALITE*
Иллюстрации в макете *Анастасии Шукиной*
Разработка серийного оформления *Кати Петровой*

Лилит, Элиот.
Л57 Бес лести предан / Элиот Лилит. — Москва : Эксмо,
2025. — 544 с.

ISBN 978-5-04-215755-4

Касаться тьмы, слышать ее шепот — дар или проклятие? Алексей Аракчеев уверенно ответит: проклятие. Ведь с самого детства он видит бесов — созданий с Изнанки мира, цепляющихся за тех, кому осталось недолго, или тех, чьи мысли так же черны, как ночь. И не просто видит, но и является вместилищем для таких тварей.

В попытках найти ответы и примириться с собой, Алексей поступает на службу к цесаревичу Павлу, посвящая жизнь защите императорской семьи и Отчизны.

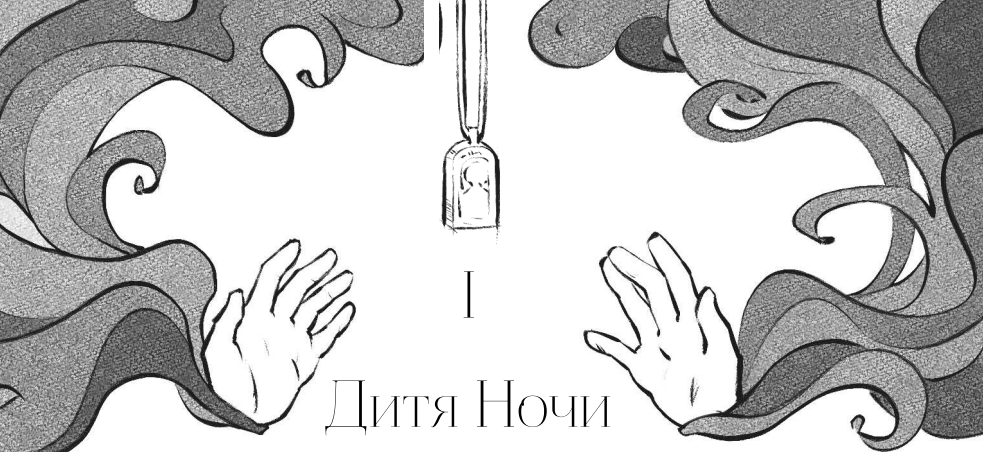
Увы, секреты Романовых страшны, а единственного друга Аракчеева, наследника престола Александра, преследует загадочная Тень, предвестник гибели столицы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215755-4

© Лилит Э., текст, год издания 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Моей бабушке

I Дитя Ночи

Глава I Избранник тьмы

Он увидел их впервые, когда ему было шесть. Там, где кончался двор и начинались заросли колючего кустарника, под низкими шипастыми ветвями клубились сгустки тьмы. Как будто ночь, уползая поутру, зацепилась за тернии и оставила на них лоскутки мохнатой шкуры. У них не было ни глаз, ни рта, но уже тогда он чувствовал: они живые. Они наблюдают. Они заметили его.

Испугавшись, он вскочил и побежал в дом. На пороге столкнулся с матерью, вцепился в ее руку.

— Матушка! — пролепетал он, тыча пальцем в копошащуюся тьму. — Смотрите, там, под кустом!

Мать растерянно прищурилась. Покачала головой, сбитая с толку странным поведением обычно серьезного, не по годам рассудительного сына.

— Что ты такое говоришь? Нет там ничего.

Но он видел. Он видел, как трепещут клочки тьмы на несуществующем ветру, как жадно они подергивают оборванными краями и шепчут:

«Иди к нам, мальчик. Иди к нам. Ты наш».

Он бросился в дом, взбежал по лестнице в спальню, забился под одеяло. Сердце колотилось — вот-вот выскочит! Снизу неслись голоса родителей, приглушенные и встревоженные — не могли взять в толк, что с ним стряслось.

Отпылал кровавый закат. Небо стало черным, как густая смола. В окно влился зыбкий лунный свет.

Он лежал, распахнув глаза. Слушал: не скрипнет ли ступенька? Не зашуршит ли по полу скользкий след? Но когда тьма пришла, она не пробралась в щель под дверью, не просочилась в приоткрытое окно с прохладным ветерком. Она сгустилась в изножье кровати, косматая и непроглядная, размером с большую головку сыра.

«Ты не уйдешь. Иди ко мне. Иди ко мне. Иди ко мне».

И прежде, чем он вскочил, сама скользнула вперед, бросилась в лицо, грозясь поглотить весь мир. Он вскинул руки, и те окунулись во тьму по самые запястья.

Тьма не была ни горячеей, ни холодной, просто густой, как чернила. Обволокла кожу, ласковая, будто прикосновение смерти.

Несколько секунд кисти рук оставались погружены в нее, как в воду. А потом тьма вдруг исчезла. Не развеялась, как клуб дыма, не растворилась, как сахар в чае, но ушла внутрь, под кожу. Впиталась до последней капли.

От ногтей до запястий кожа почернела. Он в ужасе уставился на свои растопыренные пальцы. Они будто светились, только наоборот — воздух вокруг потемнел на пару оттенков.

Потом все стало прежним: чернота под кожей рассосалась, и он снова глядел на обычные руки обычного мальчика. Но знал: оно внутри. Чувствовал слабое жжение, будто кости залили изнутри теплым воском.

Жжение росло. В ладонях, как готовящиеся лопнуть весенние почки, набухал жар, понемногу становясь невыносимым. Он испугался, что подожжет дом. Они были бедными — всего двадцать душ. Если дом сгорит, на что отстраивать?

Он вскочил с постели и, как был, в одной рубашке помчался вниз. Проскочил через сени, и тут — окликнули. Обернулся.

Сонная дворовая девка смотрела на него слипающимися глазами. Пробормотала:

— Куда ж вы, барич? Ночь на дворе.

Жар в ладонях взвился вверх, к локтям, к сердцу.

«Убей, — прошипела тьма. — Ударь. Сделай больно».

Он отшатнулся. По краям зрения клубился красный туман. Руки потянулись вперед, пальцы изогнулись когтями хищной птицы, мечтая вгрызться в горло.

Давить. Рвать. Бить.

Он хотел увидеть кровь. Смыть черное красным.

Потом он разглядел глаза дворовой, голубые, как два маленьких озера. Сонный туман в них понемногу сменялся тревогой. В зрачках отражался свет звезд.

Тогда он развернулся и побежал.

Очнулся на краю рощи: босые ноги исхлестаны крапивой, руки горят, ребра трещат от бушующего внутри пламени. Вокруг ни людей, ни зверей, только редкие ночные птицы перепеваются высоко в ветвях. Слишком высоко.

Но нужно выпустить пожар, иначе — сожрет изнутри.

Он закричал. Яростно, как раненый зверь. Выдыхая черным паром холодный страх и горячий гнев. А когда и этого оказалось мало, замолотил кулаками по стволу дерева, обдирая костяшки о шершавую кору.

Он вернулся в дом с окровавленными руками, на негнущихся ногах. Тихая усадьба обернулась встревоженным ульем: галдели дворовые, что-то твердил отец. Где-то плакал младший брат. Суматоха не прекращалась, пока мать не взяла дело в свои руки — приструнила прислугу суровыми взглядами и строгими выговорами.

Отец коснулся его лба мягкой ладонью, покачал головой:

— Да он горит.

— Уложите в кровать, — распорядилась мать. — И за лекарем пошлите. Ну, скорее! Да успокойте кто-нибудь Андрюшу, всю округу ревом перебудит.

Он быстро убедился: никто, кроме него, тьму не видит. Спрашивал у многих, как бы невзначай:

«Что это там на крыше, птица?»

«Кажется, что-то под кустом застряло?»

Прислуга, брат, заезжие гости — все крутили головами и тарасили глаза. Тогда стусевывался:

«Померещилось».

Потом и спрашивать перестал.

Нельзя рассказывать. Нельзя подавать виду. Прослышешь умалишенным или, того хуже, — одержимым дьяволом. А до роги назад нет.

Они появлялись на закате и исчезали с рассветом. Стоило солнцу покатиться к краю неба, ушей касался шепот:

«Иди к нам. Ты наш. Ты наш».

— Ничего я не ваш! — зло шептал он в ответ. — Никогда я к вам не пойду!

Молился с удвоенным рвением. Смотрел на черные сгустки с ненавистью. Тогда, бывало, прижаткнутся. Если повезет, даже отлетят под волной жаркого гнева, рассеются, как дым.

Но чаще — они до него добирались. Проникали под кожу, наплевав на ужас, на отвращение, на слабое постыдное «не надо». И внутри снова разгоралось черное пламя.

Он не мог убежать у всех на глазах — пришлось научиться терпеть. И горячий пульс, рвущийся наружу. И мягкий шепот, подначивающий наброситься, изломать, разорвать. Терпеть, пока не представится случай улизнуть, и уже в одиночестве, вдали от чужих глаз, дать волю буре, пока взгляд не прояснится, а в ушах не останется один только стук крови.

Он не знал, почему тьма выбрала его. Знал другое.

Он ей не проиграет.

Глава 2

Бесы

Мать качала на руках его мертвую сестренку — в последний раз.

Он понял, что сестра умрет, еще несколько дней назад, когда вокруг ее кровати, как птицы-падальщики, по вечерам принялись кружить черные сгустки. Это не в первый раз: другая сестра умерла так же, так умирали и братья. Мать часто рожала, но выжили только двое: он и Андрюша.

Пока — выжили.

Он пытался предотвратить ее смерть. Руками ловил роящиеся над кроватью сгустки тьмы, но тех было слишком много. Чем больше влезало под покрывавшуюся угольными разводами кожу, тем больше являлось новых. И так пока он не почувствовал, что еще немного, и темный пожар выжжет его изнутри. И тогда он поддастся шепоту, подбивающему положить ладонь на тонкую шейку сестры и с хрустом сжать пальцы. Избавить ее от страданий. Избавить от страданий себя.

А потом она умерла.

«Я должен был что-нибудь сделать».

Ничего он не мог. Ему восемь лет от роду, он из семьи бедных неизвестных дворян и видит вещи, которые никто больше не видит.

Он не мог спасти братьев и сестер. Не мог стереть серую скорбь с лица матери. Не мог утешить отца, слепо глядевшего в окно, и шмыгающего носом Андриюшу. Даже просто стоять здесь, мучаясь мыслями, что ничего-то он не может, было невыносимо.

Он тихо вышел из комнаты. Никто его не окликнул.

На улице было свежо и тихо. Вдали расстилались зеленые холмы, пронзительно голубели легкие волны на поверхности озера, клочья белых облаков обрамляли солнце. А там, в доме — смерть.

Он побрел прочь, шаркая ногами и взрывая подошвами тучки пыли. Нельзя так — обувку надо беречь, но материнские наставления казались такими далекими...

Ноги сами вынесли его к храму Пресвятой Богородицы. Тот отстоял от усадьбы меньше, чем на две версты.

Молиться. Ставить свечки за здоровье, за упокой. Какой в этом толк? Разве помогало?

Он замер, не доходя до дверей. Качнулся с пятки на носок. Под сенью божьей обители он чувствовал себя в безопасности, но разве Всевышний хоть раз защитил его от тьмы? Спас его братьев и сестер?

Кто-то позвал его по имени. Он вздрогнул и обернулся. Навстречу, устало улыбаясь, шагал дьякон Павел.

Дьякон выучил его грамоте и счету. Отец платил ему снесью, пока тот не заявил, что не в меру увлекшийся арифметикой барский сын превзошел своего учителя и обучать его больше нечему. В усадьбу дьякон ходить перестал, но оставался добрым другом.

— Если на вечерню пришел, то ты рано, — дьякон хлопнул его по плечу. Пригляделся. — Да на тебе лица нет. Что стряслось?

Губы дернулись, сжались в тонкую линию. Медленно разжались.

— Евдокия умерла.

Улыбка исчезла.

— Вот же напасть... Мне очень жаль.

Крест на куполе храма горел нестерпимым солнечным светом. Лицо перекосило гневной судорогой. Что-то рвалось из-

нутри — отчаянное, злое, непоправимое. Он прикусил язык, но не справился. Прошипел:

— Я видел над ней темноту.

Нельзя, нельзя об этом говорить! Но — крест, дьякон, мертвое тельце сестры, голубое небо над серым пятном смерти...

— Они над ней летали. Те, кто приходят ночью.

Дьякон вздернул брови, приоткрыл губы. Он с вызовом уставился в ответ.

— Я не безумный! Может быть, проклятый, но не безумный! Они есть, я знаю, я их видел!

И что теперь? Перекрестят? Святой водой в лицо плеснут? Засадят переписывать молитвенник? Да разве он сам всего этого не делал?!

Но в светлых глазах дьякона Павла не было ни страха, ни насмешки, только... любопытство?

— Ты что же, бесов видишь? А почему раньше не сказал?

Что же тут непонятного? Его бы сразу окрестили полоумным, и...

Но в груди уже зажглась надежда.

— Вы... Вы тоже их видите?

— Нет. Нет, Господь уберег. Но я слышал, что есть такие, кто видит. В нашей глуши их, может, и не сыщешь, но в городах найдутся те, кто знает поболее меня. В Петербурге так уж конечно.

— А в Москве? — вскинулся он жадно. — Отец хочет отправить меня в Москву. У него там друг в канцелярии, меня к нему пристроят.

— Наверное, и в Москве. — Дьякон вдруг снова улыбнулся. — Это с твоим-то почерком в канцелярию? Ты же военным хотел быть.

Он вспыхнул. Хотел, когда не понимал еще, сколько денег нужно, чтобы поступить на военную службу.

— Я научусь писать чище! — Он помотал головой. — Расскажите мне про бесов! Многие о них знают?

Дьякон махнул рукой.

— Про них же в Библии есть. Все знают, да никто не видит, вот и не верят, — прищурился. — Но ты со всеми подряд об этом не болтай. Я-то человек малость сведущий, а вот другие...

— Знаю.

— Конечно, знаешь. — Дьякон сжал его плечо. — Ты мальчуган разумный, далеко пойдешь. Только духом не падай. Бог поможет.

Он вернулся домой, в траурное ненастье посреди ясного дня. Отец все сидел у окна, бессмысленно глаза во двор.

— Батюшка, — позвал он, — можно мне ваши письма?

Отец вздрогнул, поднял голову.

— Это еще зачем?

— На образцы. Хочу научиться хорошо писать.

Глава 3

Кадеты

Двенадцать тысяч триста двадцать восемь, прибавить пять тысяч сто двадцать семь. Пять, один переносится. Пять. Четыре. Семь. Один. Семнадцать тысяч четыреста пятьдесят пять, помножить на три. Пятнадцать, плюс...

Потрясли за плечо.

В цифрах была чарующая ворожба. Выписывать числа строчка за строчкой, отдаваться во власть четких понятных правил — как же это славно... Он уходил в вычисления с головой, да так, что окружающий мир и шепотки в ушах блекли и растворялись.

Пришлось нехотя оторваться от исчерпанного листа.

— Выходить пора.

Отец был одет в приличный сюртук, который вытаскивал из гардероба только по особым случаям, например, когда в гости звали. Мать оставалась дома: не хотела разлучаться с приболевшим Андрюшей, да еще нужно было приглядывать за годовалым Петенькой. Он и сам с удовольствием остался бы: ночью под кожу заползла горсть маленьких черных опарышей, а он так и не смог улучить минутку, чтобы уединиться и вытолкнуть их из тела. Они ползали внутри, по венам, складываясь и вытягиваясь, как гусеницы, только очень, очень горячие.

Прикусил губу — боль отвлекала от жжения. Не позволит он каким-то бесам определять уклад его жизни.

— Я готов.

Дорогой он успел заскучать. Чем дольше смотрел на приевшиеся пейзажи, тем больше думал о Москве. Ему одиннадцать, уже почти взрослый — когда же отправят в город?

Темный секрет остался между ним и дьяконом Павлом, но все так же не давал покоя. Понять, что с ним и почему он такой, — от одной мысли сердце пускалось вскачь. Он не знал, как будет искать тех, кому сможет довериться, ну да как-нибудь разберется. Эх, скорей бы...

Светлый дом Корсаковых, показавшийся вдали, был не такой уж большой, но по сравнению с их усадьбой — как царская конюшня рядом с деревенским хлевом. Завидовать плохо, но, когда грудь восхищенно распирает при виде чужого благополучия, как не устыдиться своей скромной обители? Мать тщательно поддерживала порядок и чистоту, хозяйство вела так разумно, что даже с их стесненными средствами настоящей нужды они не знали, но как же тяжело всегда на всем экономить...

Хозяин, старый приятель отца, встречал гостей на пороге с широкой улыбкой. Посыпалось незначущее: «Ах, как давно не виделись!», «Как жена, не хворает?», «Прекрасная нынче погодка!». Если даже в их захолустье приходится так друг перед другом расшаркиваться, как же живется в больших городах?

— А сынишка-то твой как вырос! — Корсаков повернулся к нему. — Ну что, молодой человек, готовы уже из-под родительского крыла да в большую жизнь?

Он смутился, не понимая, смеются над ним или нет. Отец ответил за него:

— Мал еще для большой жизни. Да и жена ни в какую с любимым сынком расставаться не хочет. Пару лет еще обождем, а там и в Москву можно.

Пару лет! Да он и сейчас готов...

— Матери! — фыркнул Корсаков. — Дай им волю, так всю жизнь под юбкой продержат. Мои сынки вот уже несколько лет как в Петербурге, только нынче навестить приехали. Ну да увидишь.

Корсаковские мальчишки, Никифор и Андрей, ждали в гостинной. Жутко изменились с последней встречи: вытянувшиеся, повзрослевшие, с погустевшими голосами, они теперь казались незнакомцами. Алые мундиры с бархатными черными лацканами на них горели, как распустившиеся на поле маки, — аж дух перехватывало.

— Кадеты, — гордо проговорил Корсаков. — Вишь как вымахали?